

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ



Г ЧЕРНАЯ Г
Л КРОВЬ МОРЯ Л



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 **Черная кровь моря / Сергей Зверев. — Москва :**
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243698-7

Банда террористов захватывает иранскую нефтедобывающую платформу в Каспийском море. В числе заложников оказывается и группа российских инженеров, прибывших на объект для научной консультации с коллегами. Экстремисты требуют освобождения из тюрем своих подельников, в противном случае заложников ждет жестокая расправа. Иранская сторона обращается за помощью к спецназу ГРУ России. На платформу скрытно прибывает группа майора Николая Каржавина. Но как не привлекая внимания бандитов выяснить, где они прячут гражданских? Каржавин решает пойти на хитрость и временно меняет облик офицера российского спецназа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243698-7

© Зверев С.И., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Общеизвестно, что Каспий — не море. Но у кого язык повернется назвать озером этот бескрайний водный простор? Особенно сейчас, ранним осенним утром, когда, играя бликами, волны накатывают на широкий песчаный пляж и Каспий более всего похож на море. Густо-синяя масса воды контрастировала с белизной гор Эльбруса, слегка подкрашенных в розовый цвет солнечными лучами.

С вершин могучего хребта срывался пронизывающий ветер, который торопил волны и заставлял ежиться от холода людей, сидевших в катаках черного цвета с желтыми полосами по бортам. В такую погоду любоваться видами не хочется, несмотря на их невероятную красоту. Однако имелась и другая причина, из-за которой экипаж катеров погрузился в угрюмое молчание. Эти люди ехали выполнять задание, за которое отвечали головой.

Все три катера на полной скорости неслись в направлении строения, напоминавшего ярко-красный стол на толстых ножках, высившийся посреди воды. Ни к чему, казалось бы, строить это корявое переплетение металлических брусьев поверх бетонных столбов прямо в воде, в то время как далее, всего-то в нескольких километрах южнее, протянулась песчаная коса Мианкале, отрезающая от озера-моря обширную лагуну, самую большую на Каспии, известную как Горганский залив.

Издали нелепая алеющая постройка казалась маленькой — обман зрения, известный всем, кто ходил в море. Могло почудиться, будто в крохотное пространство между крышкой «стола» и водной поверхностью катер не втиснется. Туда прошмыгнет лишь плоскодонка, и то при условии, если гребец распластается по дну, иначе ему снесет голову.

Но по мере приближения становились ясны истинные размеры исполинского «стола», от которых захватывало дух. Под его крышкой беспрепятственно пройдет любой транспорт, вплоть до небольшого рыболовецкого судна. Красные цилиндрические опоры в желтых «подштанниках» поражали неохватной шириной. Груда железяк сверху мало-помалу обретала очертания в дрожащем утреннем воздухе, солнечные блики более не мешали рассмотреть ее четче. И тогда становилось

понятно, что за конструкцию воздвигли здесь сотни рабочих рук, занятых тяжелым трудом.

Устремленная к небу стрела из металлических перекладин была буровой вышкой, а собственно «стол» — нефтедобывающей платформой. Потому-то воздвигнуть циклопическую постройку в другом месте, где-то на суше, не представлялось возможным, ведь подземная кладовая, хранившая неисчислимые запасы черного (а попутно и голубого) золота, находилась в толще земных слоев глубоко под морским дном.

Отсюда качали нефть, черную кровь Каспия.

Расстояние между катерами и платформой сокращалось. Центральный катер подбавил скорость и вырвался вперед. Один из сидевших в нем достал бинокль и принялся изучать буровую. Мужчина уже мог разглядеть двойную белую надпись на красном фоне. Нижняя часть надписи крупнее верхней; выполненная на латинице, она гласила: AMIR KABIR. Верхняя надпись, дублировавшая нижнюю, но размером помельче, выполнена на фарси — государственном языке Ирана, которому принадлежала красная платформа.

Амир-Кабир, то есть Великий Министр, — почетное прозвание визиря Мирзы Амир-Незама, возглавлявшего правительство при Насреддин-шахе в первой половине XIX столетия. Десятого января 1852 года, на следующий день после того, как Амир-Кабир весело отметил со-

рок пятый день рождения, визирю перерезал глотку в бане цирюльник, подкупленный политическими противниками Великого Министра, за которыми стоял лично глава государства. Спустя годы, как это часто случалось в истории, пожалуй, любой страны, убитого признали благодетелем нации, в его честь стали называть университеты и предприятия, включая этот красный «стол».

Мужчина с биноклем прекрасно знал, что означает название платформы. Он вообще свободно читал и говорил на фарси, как и все его спутники, многие из которых были персами по происхождению. Сам же владелец бинокля, судя по внешности, был скорее сирийцем, чем персом. Немногим за тридцать пять, ростом чуть выше среднего, с худым лицом, он выделялся из остальной команды глубоко посаженными черными глазами, холодным, но вместе с тем обжигающим взглядом, говорившим о сочетании жестокости и хладнокровия в одном человеке. Прямая осанка и военная выправка свидетельствовали, что этот мужчина много лет отслужил в армии.

Сейчас этими холодными глазами из-под сдвинутых густых, прямых бровей он ощупывал восьмиугольник вертолетной площадки, на которую как раз приземлился вертолет. Лопасты уже заканчивали вращаться, лениво рассекая воздух. Гости одеты в куртки разных цветов, вздувшиеся на ветру. Посетителей встречает персонал в од-

нообразных комбинезонах — красных с желтыми вставками и белыми полосами выше колен на штанинах и ниже локтей на рукавах. Вероятнее всего, здесь менеджер (он же главный инженер), прораб, буровой мастер, лаборант-геолог. Словом, все те, кто организует рабочий процесс на платформе и управляет им. И конечно, зеваки из обычных рабочих, которым еще рано заступать на смену.

В толчее не разглядеть лиц гостей, но сирийца заранее предупредили, кто прилетел на платформу. Специалисты из России прибыли консультировать по шельфовому бурению. Этим и объясняется суета и толкучка вокруг них. Важные эксперты плюс иностранцы, причем настоящие, не турки или палестинцы, которых в Иране навалом, а самые настоящие русские, которых рядовой иранец видит раз в год по телевизору.

На приближение катеров люди на платформе никак не отреагировали. Других гостей, кроме русских, здесь точно не ждали; а тот факт, что катера двигались с востока, со стороны Бабольсера, объяснял их невидимость из-за слепящих бликов от утреннего солнца.

Сирийца и его команду такой расклад вполне устраивал, они не хотели быть обнаруженными преждевременно, потому что прибыли сюда отнюдь не с дружескими намерениями. Одетые в черную униформу без нашивок, все вооруже-

ны. У кого-то германская штурмовая G36, у кого-то южноафриканский полуавтоматический «вектор» и другое оружие, весьма и весьма серьезное, такое состоит на вооружении малайзийского «Паскаля» и некоторых других элитных подразделений Южно-Азиатского региона.

Сириец дал знак. Движки заглушены, катера по инерции беззвучно заплывают под платформу. Наверху спокойно; менеджер, рассыпаясь в благодарностях, на английском языке чувствует российскую делегацию, а не понимающие ни слова ротозеи пялятся на прибывших. О происходящем внизу никто не догадывается, словно до безопасности платформы никому и дела нет.

Команда сирийца пробралась со стороны жилого блока, где сейчас ни души, — часть народа на бурении, а те, чья смена впереди, присоединились к общей сутолоке. Стремительно передвигаясь по мосткам среди труб, черные фигуры уверенно отрезали проходы в производственный блок и лабораторию, оставив незаблокированным лишь путь с вертолетной площадки через грузовой терминал напрямик в буровой блок.

— Спасибо! — закончил русским словом приветственную речь менеджер.

Тотчас над его головой протарахтела очередь из автомата.

С разных сторон русских гостей и встречающих их работников платформы окружили бое-

вики. Четко, молниеносно, внезапно. Сколько? Сосчитать невозможно, явно больше десяти человек. По-видимому, примерно столько же, сколько работало на буровой, а в ее штате числилось восемнадцать человек.

Охранник на буровой только один, и сейчас он находился среди собравшихся у вертолетной площадки, единственный одетый в песочного цвета униформу вместо красно-оранжевой спецовки. Рефлекторно его рука легла на кобуру и замерла. Он понимал бессмысленность и рискованность попытки отразить нападение — следующая очередь гарантированно выкосит половину невинных людей, которых он обязан защищать.

Один из боевиков, ни слова не проронив, дулом винтовки указал, чтобы охранник бросил оружие. Тот, успокаивающим жестом выставив перед собой ладонь, другой рукой, все еще лежавшей на кобуре, извлек табельный пистолет и аккуратно положил его на металлический пол. Другой боевик в ту же секунду оказался у оружия и подобрал пистолет.

Из производственного блока выскочили несколько парней, но натолкнулись на боевиков и стушевались, кроме самого молодого, безбородого, безусого и бритоголового, резко отличавшегося от своих бородатых и давно не стриженных товарищей. Бритый выхватил разводной ключ и ломанулся к ближайшему боевику, но

был остановлен ударом приклада и рухнул как подкошенный.

Массивный человек в черном прицелился и без колебаний и раздумий выстрелил в пылко-го молодчика. Паренек не вскрикнул, не дернулся, даже не застонал. Пуля попала точно в сердце, мгновенно оборвав жизнь бурильщику.

Толпа охнула. Парень больше не представлял угрозы, необходимость стрелять в него отсутствовала. Но убийство не было бессмысленным: на глазах людей свершилась показательная казнь. Это усвоил каждый.

Оглушительно гаркнув, другой тип в черном, высоченный амбал со шрамом на левой скуле, вывел людей из оцепенения и скомандовал двигаться вперед. Выстроившись в цепочку, подобно конвоирам, захватчики указывали путь. Проходя вереницей мимо боевиков, персонал и русские гости послушно следовали туда, куда указывали стволы винтовок и пистолетов.

Становилось понятно, что произошел захват заложников и эти вооруженные до зубов мужчины в черной одежде — террористы. Почему же на них нет масок, вроде пресловутой балаклавы или чего-то в том же роде? Почему они не боятся показать пленникам свое лицо? Возможно, хотят сделать громкое политическое заявление...

Из цепочки конвоиров сделал шаг навстречу пленникам мелкий, шуплый и шустрый мужи-

чок, обладатель колоссальных размеров бороды, достававшей ему, наверное, до пупа. Короткими, проворными ручонками бородач по очереди проверял пленников, выискивая оружие, инструменты, рации, телефоны. У некоторых в карманах нашлись небольшие гаечные ключи и только. Оружия ни у кого, разумеется, не было. Мобильниками персонал не пользовался; сигнал с сотовых вышек платформы не достигал, отчего телефоны без дела валялись на дне вещевых сумок в каютах работников, дожидаясь момента прибытия в порт, откуда уже бурильщики принимались звонить женам и матерям, оповещая о скором возвращении домой. Однако террористы хотели подстраховаться, не отдавая ход операции на волю случая.

Сириец посмотрел на часы. Девять двадцать шесть. Через четыре минуты в Москве будет ровно девять ноль-ноль.

* * *

— Майор Каржавин по вашему приказанию прибыл!

Генерал Бурцев оторвался от бумаг. Перед ним стоял подтянутый, худощавый мужчина тридцати пяти лет, с короткими темными волосами и серьезным, почти суровым лицом, строгость которого подчеркивалась светло-серыми глазами. Взгляд пристальный и тяжелый, но не это

обратило на себя внимание генерала. Суровых лиц в ГРУ немало, случалось сотню раз видеть бойцов, в наружности которых читалось, что они столь же волевые, с твердым характером. Но этот майор был еще и властным. Такую черту натуры от всевидящего генеральского ока не утаишь.

— Вольно, товарищ майор! Проходите!

Бурцев поднялся и пожал руку майору, после чего вернулся за стол, на котором лежало раскрытое личное дело Николая Николаевича Каржавина. Бумаги скупы, но по существу рассказывали, что майор, награжденный орденом Мужества и медалью «За отвагу», последние четыре года возглавлял отряд «Север», многократно отличившийся в ряде сложнейших операций на Ближнем Востоке, в том числе в ходе гражданской войны в Сирии.

Каржавин бросил беглый взгляд на бумаги и переключился на седую, пышную шевелюру генерала. Лет десять назад майор не понимал, зачем в подобных ситуациях старшему по званию держать перед собой раскрытое досье на бойца. Ты ведь уже изучил факты. Сверяться, не полагаясь на память? Наверное. Хотя в некоторых случаях сверяться попросту не с чем. Затем, с годами, до Николая дошло: раскрытое досье — последний тест, финальная оценка перед отправкой человека на ответственное задание. Посмотреть, как он поведет себя, когда увидит

свое дело на столе командира. Замельтешит, засуетится, испугается — такой не выполнит порученной работы.

— Присаживайтесь, присаживайтесь! Есть ли у вас, Николай Николаевич, причины отказаться от миссии в Иране в ближайшие сорок восемь часов?

Деловой тон генерала пришелся Каржавину по душе. Седой не юлил, не финтил, прямоком в лоб спросил, сможет майор отправиться в другую страну или не сможет. А то некоторые начинают издали, с неопределенных, загадочных фразочек: «Тут для вас работенка нашлась» или чего-то в том же роде.

— Никак нет! — кратко и сдержанно ответил Николай, хотя понял, что не смог скрыть некоего воодушевления.

— В таком случае ознакомлю вас с положением дел. Сегодня, в девять утра по Москве, подверглась атаке иранская буровая платформа в Южном Каспии. Весь персонал взят в заложники группой неизвестных. Хуже того, в заложники попала российская делегация в составе четырех человек. Наше правительство, как и иранское, получило видеозапись обращения от главы террористов. Прослушайте и выскажите свое мнение.

Бурцев развернул экран монитора и кликнул на иконке видеофайла. Из сумрака слабоосве-

щенного помещения объективом выхватывались три мужских силуэта. Взятые крупным планом, все трое попали в кадр лишь по грудь, но нетрудно догадаться, что они стоят, а камера находится на уровне их невидимых лиц. Вещал центральный. Он командир, остальные — статисты. Голос, разумеется, изменен, но обращало внимание, как бегло главарь шпарил на фарси.

Боссом заготовлена цветистая речь. Для пушкого эффекта ее бы транслировать непосредственно с буровой или, по меньшей мере, записать там, на фоне морской глади и перепуганных пленников. Ан нет, хитрецом использована домашняя заготовка, чтобы в кадр ненароком не попало лишнего — чего-то такого, что с потрохами выдаст террористов.

Главарь витиевато потолковал о тяжелой каре на «бараньи головы» тех, кто противостоит Исламскому государству, а затем потребовал: в течение двух суток освободить из заточения одиннадцать своих братьев. В противном случае все заложники будут убиты. Некоторые из перечисленных имен Каржавин прекрасно знал, это довольно высокие военные чины в иерархии ИГИЛ, с огромным трудом схваченные российскими и иранскими спецслужбами и в настоящее время отбывающие приличные сроки. Надо полагать, остальные, о которых Николаю ничего не известно, — такие же.

Далее пошли кадры с перепуганными лицами, большей частью восточными и двумя русскими. Пленники. Вот эта часть файла отснята уже сегодня на буровой, можно не сомневаться. Звуковая дорожка предусмотрительно удалена. Людей снимали откуда-то сверху, чтобы не было видно стен, отчего не понять, в каком конкретно помещении собраны пленники. Стало быть, окончательный монтаж видео выполнялся с ноутбука непосредственно на буровой, когда заложников загнали в какое-то контролируемое пространство.

Картинка стала затемненной.

— Что скажете? — спросил генерал.

Метаданными файла Каржавин не заинтересовался, поскольку все равно мало что смыслил в компьютерных штуках. Пускай такими вещами занимаются айтишники из Минобороны. Спецназовца волновало другое, более близкое и понятное ему.

— Пленников опознали?

— Нефтедобывающая компания подтвердила, что они ее работники. Русские в кадре — члены делегации. Инженеры и научные сотрудники, прибывшие в Иран для реализации совместного проекта по бурению нефти на Каспии. Это тоже подтверждено.

— Отражение в глазах пленников изучено?

— Нет, разрешение не позволяет.

— Анализ голоса и других звуков?

— В процессе. Комната с прекрасной шумо-изоляцией, посторонние звуки на записи вряд ли обнаружатся. По поводу голоса лингвист сказал, что акцент в такой модуляции установить невозможно, но знание фарси превосходное. Следовательно, если главарь и является арабом, то персидский выучил основательно. Или же он родился и вырос в Иране.

Неудача. Но неудачи тоже открывают двери к победе. Буровую захватила не шайка полоумных фанатиков, как недолго решить, послушав речь босса. Операцию продумали очень серьезно, не полагаясь на авось.

— Есть кадры с дрона?

— «Кодс» запускала коптер, но он вернулся на базу. Его работе мешает глушилка.

Ого! Теперь сомнений нет, террористы точно подошли к делу серьезно: развернули на захваченном объекте систему контроля радиочастотного спектра и тактический комплекс направленного глушения, создающий помехи, которые вынуждают БПЛА прекратить полет. Парням из «Кодс», как называется спецназ иранской военно-политической разведки, еще повезло, что их модель дрона оказалась умна. Некоторые модели, попав в поле действия глушилки и теряя связь с центром управления, не возвращаются обратно, а падают наземь. В данном случае — в море.

Если же бандиты такие умные, то почему требования выдвинуты ими, мягко говоря, трудноисполнимые? За двое суток невозможно принять решение об освобождении столь опасных заключенных, причем согласовав это решение с другим государством.

— Что известно о названных им людях? Как я понял, все они отбывают разные сроки в тюрьмах Ирана и России, верно?

— Верно. Трое в Российской Федерации, остальные восемь — в ИРИ. Запрос об их освобождении уже рассматривается в Минюсте, а затем перейдет в высшую инстанцию. — Генералом подразумевался президент. — Но даже в случае положительного решения вряд ли процедурные вопросы удастся быстро утрясти. И уж тем более невозможно ручаться за то, что иранская сторона пойдет на сделку.

— Разве террористы этого не понимают?

— Вы мне скажите. Каково ваше мнение?

Генерал хитро прищурился, и Каржавин понял, что он здесь не только для получения нового задания. Бурцев проверял способность майора оценить ситуацию и желал убедиться, что они оба пришли к одинаковому заключению.

— Прекрасно понимаю, они хорошо организованы и рациональны, — прямо высказал Каржавин. — Требования — это спектакль с непонятными целями, о которых мы узнаем в фи-

нальном акте. Но при таком раскладе заложники могут пострадать.

— Полностью соглашусь с вами, Николай Николаевич, — одобрительно закивал Бурцев. — Ваше мнение о лидере террористов?

— Тертый калач. Спокоен, как черт. В его словах, в скорости его речи не чувствуется того праведного гнева, какой охватывает человека глубоко религиозного. Нет и личной злобы за то, что мы забрали его «братьев», как он их назвал. Равнодушие какое-то, замаскированное яростью.

— Есть разница? — вновь сощурился Бурцев.

— Есть, товарищ генерал. Ярость, она безлика и слепа. Иногда перед штурмом помещения приходится себя накручивать, накачивать агрессией, чтобы ворваться внутрь готовым к ожесточенному бою. К яростному бою. В такие минуты ни злобы, ни гнева не испытываешь, поскольку не знаешь, что ждет внутри. Только ярость, то есть внутренний огонь. Вот их главарь себя и накачал, распалил, чтобы сойти за фанатика.

— Любопытно, — покачал головой генерал, — наш психолог сказал в точности то же самое про главаря с его «шестерками».

Бурцев подразумевал двух статистов, безмолвными глыбами высившихся позади лидера.

— Не соглашусь с вашим психологом, — возразил Каржавин, — они не «шестерки». Их босс

вряд ли поставил бы рядом с собой мальчиков на побегушках, нет, только надежных и проверенных людей. Эти двое — его лучшие соратники. Вдобавок язык тела другой. Видите, как они угрожающе нависают? Словно усиливают мощь каждого сказанного слова. Тот, что слева, пошевелился при слове «убить». Дурной знак.

— Прекрасный анализ, Николай Николаевич, — похвалил Бурцев. — Мы тоже пришли к выводу, что добровольное освобождение заложников маловероятно. Сию минуту Минобороны ведет переговоры с правительством Ирана о нашем участии в спасательной операции. Результат переговоров, скорее всего, будет в нашу пользу, поэтому немедленно соберите отряд «Север» и готовьте своих ребят к отправке в Иран сегодня же. Отправка в тринадцать ноль-ноль рейсом «Каспиан Эйрлайнс» под видом охраны полномочного представителя Минобороны. С наступлением ночи местные спецслужбы помогут переправиться на платформу.

— Вы уверены в содействии со стороны КСИР?

Николай немного сомневался в том, что Корпус стражей исламской революции, иначе КСИР, будет содействовать, поскольку знал, что КСИР — закрытая структура, там никто не горит желанием помогать военному ведомству иностранного государства.

— Есть уверенность, — просто ответил генерал. — С иранской стороны переговоры о сотрудничестве ведет Мохаммед Мостафави, мы с ним неплохо взаимодействовали ранее. Он, кажется, близок к тому, чтобы убедить президента ИРИ подключить нас. Кроме того, использование сил ГРУ поможет Ирану переложить ответственность за ход операции на Россию.

Каржавин смекнул, что иранцы опасаются испортить отношения с русскими, если вдруг при освобождении заложников возникнут осложнения. Но когда операцию возьмет на себя российский спецназ, в провале будет виновата только Россия, а Иран сохранит лицо и останется хорошим, что очень важно, учитывая, в каком трудном международном положении находится эта страна.

Впрочем, нельзя исключать и других причин. В политике всегда найдутся неизвестные причины и неизвестные игроки.

* * *

В начале следующей недели, 29 сентября, в роскошном зале пятизвездочного отеля «Хай-ятт» в Тегеране ожидалось столпотворение богатых и влиятельных. Нефтяные магнаты, финансисты, политики и дипломаты из разных уголков планеты должны собраться здесь, чтобы выслушать очередной доклад Али Мусави, не